

Оригинальная статья / Original article

УДК 903.5(571.53/.55)

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-9-34>

Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Часть 2: Погребально-ритуальные комплексы № 7–15

© **В.М. Ветров^а, Д.Л. Шергин^а, А.В. Тетенькин^б**

^а Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

^б Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Стоянка-могильник Старый Витим II открыта В.М. Ветровым в 1977 г. Основные раскопки произведены в 2001–2002 гг. Выделено три культурных горизонта эпохи палеометалла и 15 погребально-ритуальных комплексов, из которых большая часть относится к периоду 8,2–7,2 тыс. календарных лет назад. Несмотря на плохую сохранность кости, на ряде погребений удалось расчистить костяк на слое. Погребенный лежал на боку с подогнутыми ногами, головой на юго-запад, засыпан охрой. Инвентарь могил состоит из вкладышевых двулезвийных наконечников, лезвия которых набраны из халцедоновых призматических микропластин; шлифованных нефритовых тесел, ножа, оббитых нефритовых изделий, часть из которых, судя по следам, была в работе, а часть, вероятно, являлась заготовками тесел и ножей; бусин. Труположение и погребальный инвентарь обнаруживают частичные сходства с щукинской, фофановской и китойской погребальными традициями южного Прибайкалья, и могильник может быть определен как финально-мезолитический – ранне-неолитический. Отмечается вскрытие ям в более позднее время и организация, вероятно, ритуальных костров в не полностью засыпанных ямах. Даты по углю из этих кострищ определяют возраст около 5,2–3,2 тыс. календарных лет назад. Вероятно, с этими эпизодами ритуальной постпогребальной практики связаны более поздние по отношению к могильнику культурные горизонты.

Ключевые слова: неолит, бронзовый век, Витим, Муйско-Куандинская котловина, могильник, погребение, охра, погребальный инвентарь, север Байкальской Сибири

Благодарности: Авторы (Д.Е. Шергин и А.В. Тетенькин) выражают благодарность за помощь в подготовке статьи к публикации и в обсуждении материалов В.И. Базалийскому (Иркутский государственный университет), А.Б. Данилову, А.А. Уланову (оба – Иркутский национальный исследовательский технический университет), Е.И. Демонтеровой (Институт земной коры СО РАН, Иркутск), А. Веберу (Университет Альберта, Эдмонтон, Канада) за помощь в проведении радиоуглеродного датирования, а также всем участникам полевых работ на памятнике.

Информация о статье: Дата поступления 14 января 2020 г.; дата принятия к печати 10 февраля 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Часть 2: Погребально-ритуальные комплексы № 7–15 // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 9–34. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-9-34>

The archaeological site Staryi Vitim II in the Muisko-Kuandinsky depression (Republic of Buryatia). Part 2: Funeral and ritual complexes No. 7–15

© **Victor M. Vetrov^а, Dmitry L. Shergin^а, Aleksei V. Tetenkin^б**

^а Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

^б Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The burial site Staryi Vitim II is opened by V.M. Vetrov in 1977. The main excavations were carried out in 2001–2002. Three cultural horizons of the Paleo-metal era and 15 funerary-ritual complexes were identified, most of which belong to the period 8.2–7.2 Kyr calBP. Despite the poor preservation of the bone, a number of burials managed to clear the skeleton on the layer. The buried men lay on their side with bent legs, head to the southwest, covered with ochre. The inventory of graves consists of two-side slotted points, the blades of which are composed of chalcedony prismatic microblades; polished jade adzes, a knife, knapped jade products, some of which, judging by the tracks, were in operation, and some were probably blanks of adzes and knives; beads, scrapers. The location and burial equipment reveal partial similarities with the Shchukino, Fofanovo and Kitoy funeral traditions of the southern Baikal region, and the cemetery ground can be defined as the final Mesolithic – Early Neolithic. The opening of the pits at a later time and the organization of, probably, ritual bonfires in incompletely filled pits are noted. Dates for charcoal from these hearths determine the age of about 5.2–3.2 Kyr calBP. Probably, the cultural horizons are related to these episodes of ritual post-funeral practice.

Keywords: Neolithic, Bronze Age, Vitim River, Muisko-Kuandinskaya depression, cemetery, burial, ochre, funerary inventory, north of Baikalian Siberia

Acknowledgements: The authors (D.E. Shergin and A.V. Tetenkin) are grateful for their help in preparing the article for publication and in the discussion to V.I. Bazaliisky (Irkutsk State University), A.B. Danilov, A.A. Ulanov (both – Irkutsk National Research Technical University), E.I. Demonterova (Institute of the Earth's Crust SB RAS, Irkutsk), A. Weber (University of Alberta, Edmonton, Canada) for his help in radiocarbon dating, as well as to all participants in the field work on the site.

Article info: Received January 14, 2020; accepted for publication February 10, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Vetrov V.M., Shergin D.L., Tetenkin A.V. (2020) The archaeological site Staryi Vitim II in the Muisko-Kuandinsky depression (Republic of Buryatia). Part 2: Funeral and ritual complexes No. 7–15. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 9–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-9-34>

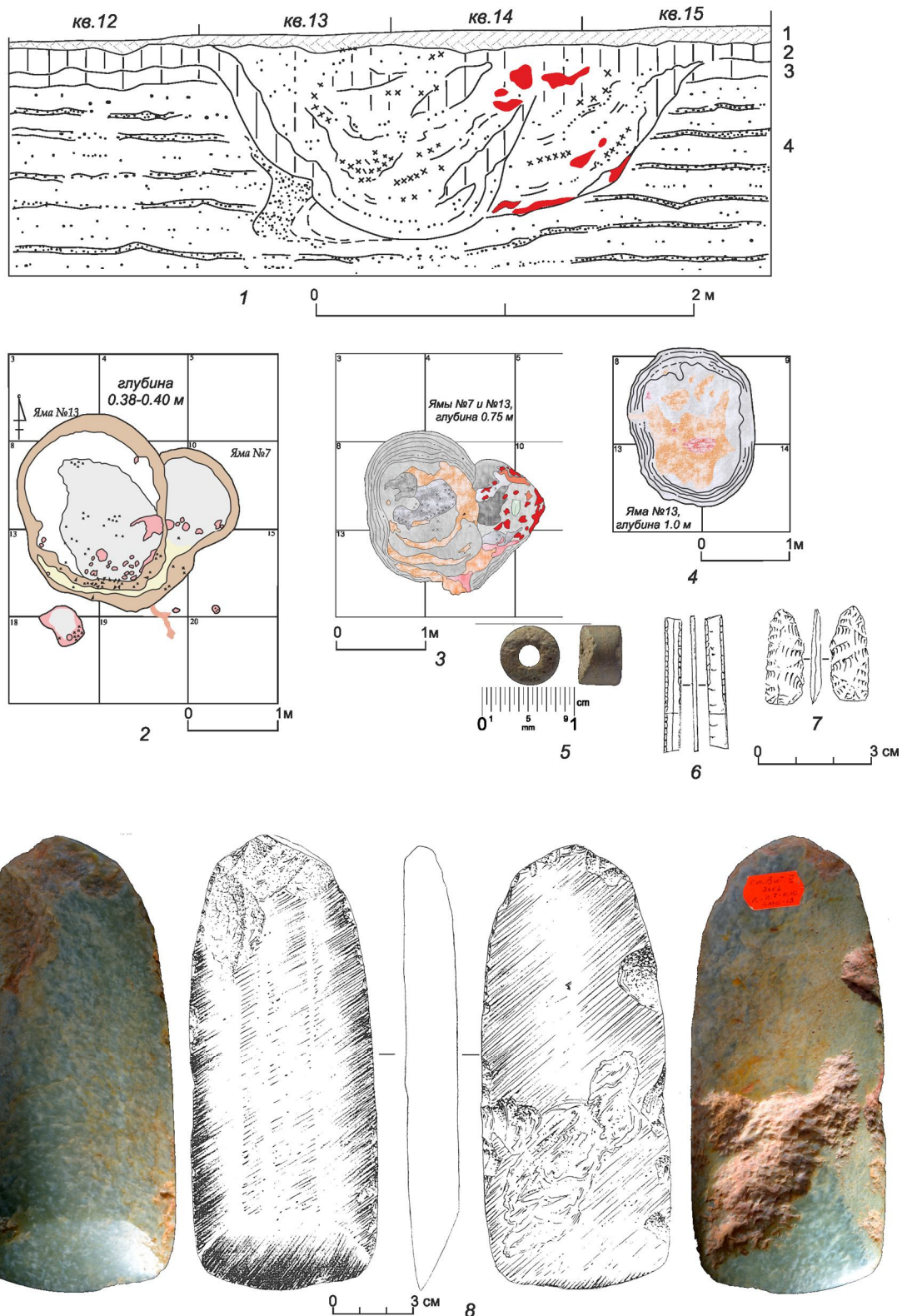
Введение

В настоящей статье продолжается публикация материалов по могильнику Старый Витим II. В первую часть вошли материалы раскопок ям (могил) № 1–6 (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019). Во второй части читателю предложены материалы раскопок ям № 7–15, из которых как погребения были определены № 10, 11; № 7, 9 – как кенотафы; № 8, 12, 13 – как более поздние ямы.

Ямы № 7 и 13. Яма (ритуальный комплекс) № 7 выявлена в северо-восточном углу раскопа (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2), читалась с глубины 0,30 м (рис. 1.1). Яма имела верхние размеры 2,10 × 1,2 м, нижние – 1,50 × 1,0 м, ориентирована по линии ЮЗ – СВ (рис. 1.2, 3). В заполнении ямы читались два слоя. Первый, нижний, собственно, перекрывающий яму слой состоит из коричневого песка, второй слой представляет собой заполнение песком желтовато-коричневого цвета с сажистыми линзами и призмами. Посередине ямы проходил слой охры, повторяющий внешний контур ямы. В засыпке найдена цилиндрическая бусина из черного камня

(рис. 1.5). На глубине 0,70 м среди пятен охры найдено шлифованное тесло из светлоокрашенного нефрита (рис. 1.8). После вскрытия пикета VII по всей площади на глубине 0,38–0,40 м удалось проследить контуры двух совмещенных ям (рис. 1.1–4), одна из которых, западная, получившая порядковый № 13, прорезала другую, восточную, за которой оставлен № 7.

Обе ямы, как и во всех случаях, оконтуривала полоса песка от темного до светло-коричневого цвета. Заполнение ямы № 13 составляет песок темно- и светло-серого цвета, местами с вкраплениями угля, углистых примазок, особенно в центральной части западной ямы. В южной части заполнения ямы № 13, а также в центре восточной части фиксировались пятна охры (рис. 1.3, 4). Подобная ситуация прослеживалась до доньев ям. Наибольшая глубина доньев ямы № 7 – 0,95, ямы № 13 – 1,06 м. При контрольной зачистке под обеими ямами каких-либо антропогенных нарушений не фиксировалось. Яма № 13 имела верхние размеры 2,0 × 1,55 м, нижние – 1,70 × 1,40 м (рис. 1.2, 4), ориентирована по линии С – Ю.

Рис. 1. Ритуальные ямы № 7 и 13: 1 – стратиграфия раскопа с разрезом ритуальных ям 7 и 13;
 2–4 – планы ритуальных ям № 7 и 13 на разных уровнях фиксации–разборки; 5, 8 – ритуальная яма 7, 5: 5а –
 фото и рисунок бусины; 6–7 – яма ритуальная 13: 6 – ретушированная пластина, 7 – вкладыш
Fig. 1. Ritual pits No. 7 and 13: 1 – stratigraphy of the excavation with a section of ritual pits No.7 and 13;
 2–4 – plans of ritual pits No. 7 and 13 at different levels of excavation; 5, 8 – ritual pit 7, 5: 5а – photo and drawing of bead;
 6–7 – ritual pit No.13: 6 – retouched blade, 7 – insert

В засыпке ямы № 13 на глубине от 0,35 до 0,65 м зафиксированы 64 отщепы (один из которых нефритовый) и чешуйчатых скола, мелкий фрагмент кости и вкладыш-бифас (рис. 1.7). На глубине от 0,65 до 1,0 м найдены 22 отщепы, фрагмент трубчатой кости и фрагмент зуба млекопитающего. На дне ямы обнаружены две части одной призматической пластины (рис. 1.6) с краевой ретушью по обеим сторонам и бусина из серого камня (рис. 1.5). Подавляющее большинство предметов из засыпки оказались связаны с коричневым песком, оконтуривающим яму, причем в южной ее части.

Яма № 8. Яма имела верхние размеры 1,35 × 1,20 м, нижние – 1,20 × 1,05 м (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). Прослежена с глубины 0,30 м, имеет форму овала (рис. 2.1), незначительно вытянутого по линии С – Ю. Максимальная глубина – 0,72 м (рис. 2.2, 3). На разных уровнях фиксировались находки, представленные фрагментом кости, отщепами и пластинами (рис. 2.4–13). На уровне 0,67 м яма делилась на две неравных части: южная оказалась углубленная еще на 0,10–0,11 м.

Яма (кенотаф) № 9 (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). С восточной частью погребения № 3 сочленялась яма, получившая обозначение «яма № 9» (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). Ориентация её – с ЮВ на СЗ (рис. 7.5). На глубине 0,50 м стало ясно, что яма № 9 была заложена позже ямы № 3 и частично прорезала последнюю. С глубины 0,60–0,70 м ямы разделялись. Дно ямы № 9, имеющее форму неправильного овала 0,70 × 0,50 м, достигало глубины 0,87 м от дневной поверхности. Охра и артефакты в яме № 9 не были найдены. Вместе с тем общая с погребениями ориентация этой ямы с ЮЗ на СВ побудила определить ее как кенотаф. Аналогичный объект представляла собой яма (кенотаф) № 14, расположенная в одну линию с ямой № 9 (рис. 7.4, 5).

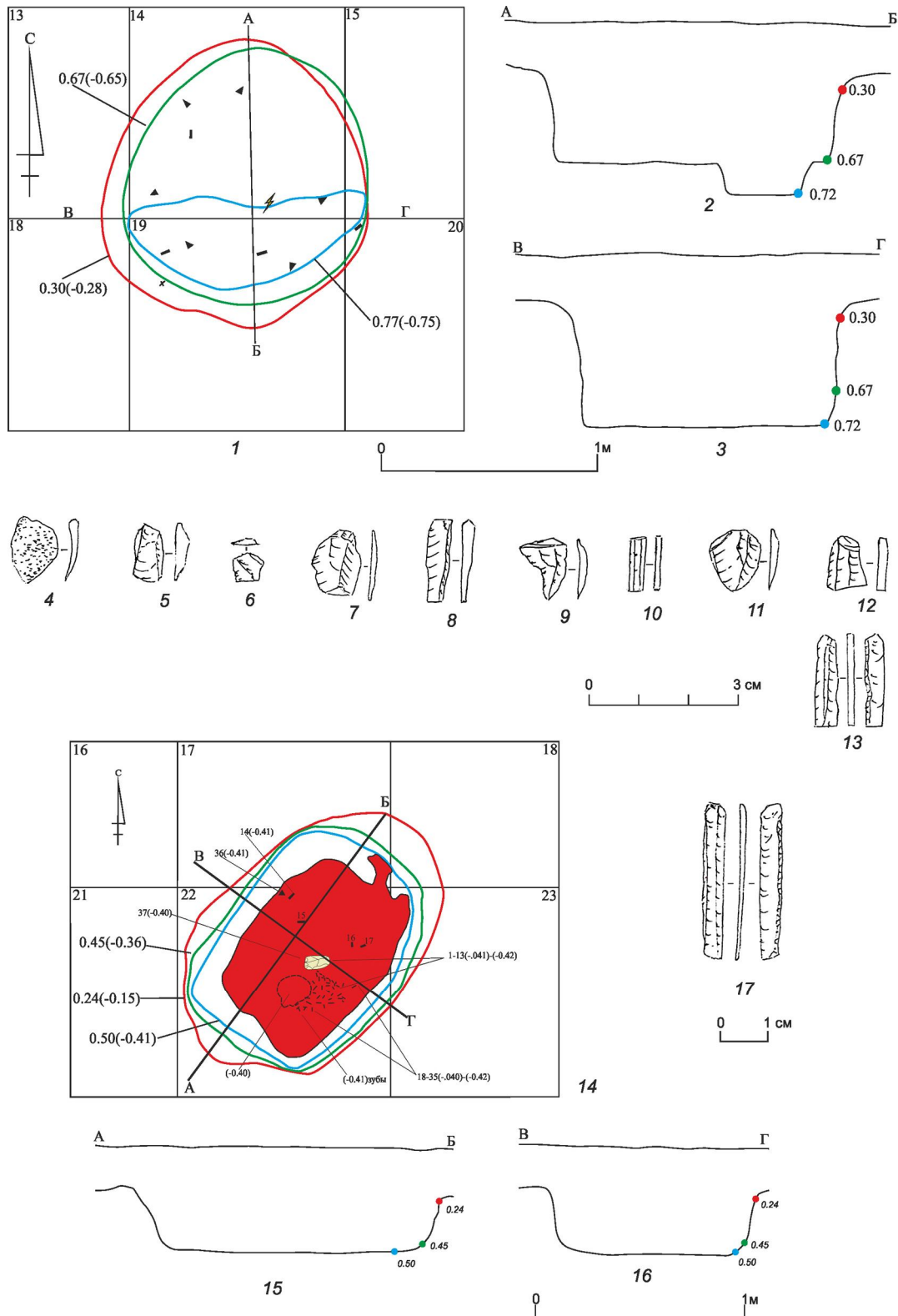
Погребение № 10 (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). Яма ориентирована по линии ЮЗ – СВ (рис. 2.14). Контуры ямы стали прослеживаться с глубины 0,24 м, на которой в центральном

заполнении уже отмечались пятна охры (рис. 2.15, 16; 12.1). На глубине 0,34 м зафиксирована ретушированная по краю призматическая пластина (рис. 2.17). На глубине 0,45 м внешний контур ямы (серый песок) имел форму овала, внутри которого за счет желтовато-коричневого песка, включения охры и сажистых примазок четко читались границы заполнения прямоугольной формы длинной осью ориентированного по линии ЮЗ – СВ. Дно погребальной ямы находилось на глубине 0,60 м (рис. 12.1). Центральная его часть, сплошь засыпанная охрой, имела размеры 1,50 × 1,30 м. В целом, яма № 10, имевшая с момента фиксации (0,24 м от дневной поверхности) форму овала ко дну приобрела форму неправильного прямоугольника с закругленными углами.

При расчистке охристого заполнения в юго-западной части ямы было оконтурено плотное костное вещество, представляющее остатки черепной коробки человека. Здесь же найдены обломки коронок коренных зубов. В 0,05 м от этого места обнаружена заготовка тесла или топора из светлоокрашенного нефрита (рис. 2.14; 3.37), длинной осью ориентированная по линии В – З. С юго-восточной стороны к «черепу» и теслу примыкали призматические пластинки-вкладыши в количестве 35 штук (рис. 2.14; 3). Тринадцать из них составляли компактную группу и располагались в определенном порядке, по которому можно восстановить двулезвийное составное орудие – наконечник или небольшой кинжал (рис. 3.1–13). Остальные пластины (рис. 3.14–35) разбросаны бессистемно. Тем не менее по имеющимся среди них четырем концевым вкладышам можно предположить, что погребенного сопровождало еще, как минимум, одно подобное (двулезвийное) изделие. Кроме описанного инвентаря в СЗ части погребения обнаружен обломок шлифованного нефритового изделия (рис. 3.36).

Погребение № 11 (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2) прослежено с глубины 0,30 м от дневной поверхности (рис. 4.1). Яма имела верхние размеры 2,50 × 1,40 м, нижние – 1,50 × 1,10 м, ориентирована по линии ЮЗ – СВ (рис. 4.2, 3, 4). Как и в предыдущем случае, яму оконтуривал коричневый

Рис. 2. Яма № 8 (1–13) и погребение № 10 (14–17): 1–10 – артефакты, выявленные на разных уровнях засыпки ямы; 11 – план ямы № 8; 12–13 – профили ямы № 8; 14 – план погребения № 10; 15 – пластина-вкладыш; 16, 17 – профили погребальной ямы № 10
Fig. 2. Pit No. 8 (1–13) and burial No. 10 (14–17): 1–10 – artifacts, identified at different levels of filling the pit; 11 – plan of the pit No. 8; 12–13 – profiles of the pit No. 8; 14 – plan of the burial No. 10; 15 – insert blade; 16, 17 – profiles of the funeral pit No. 10

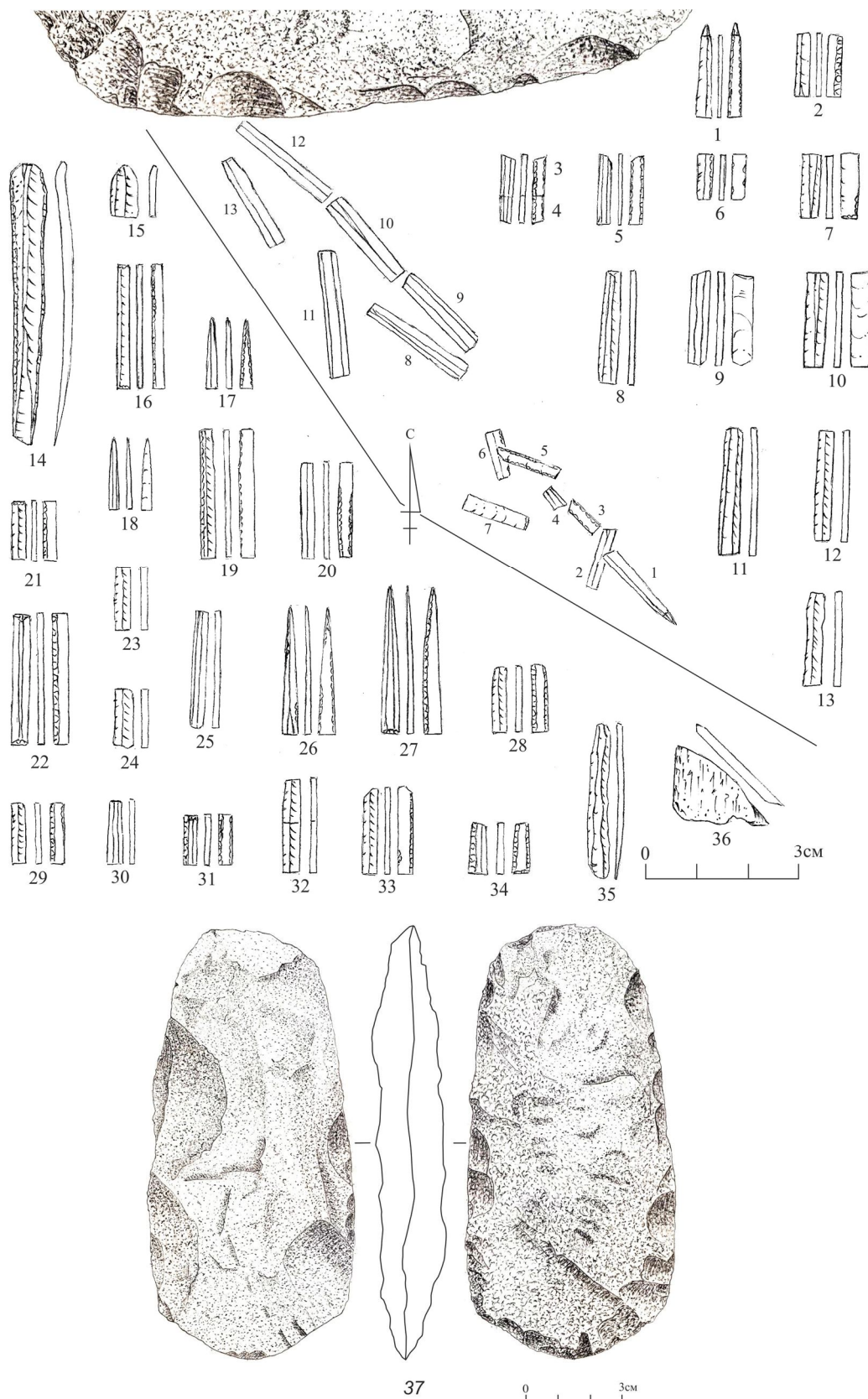
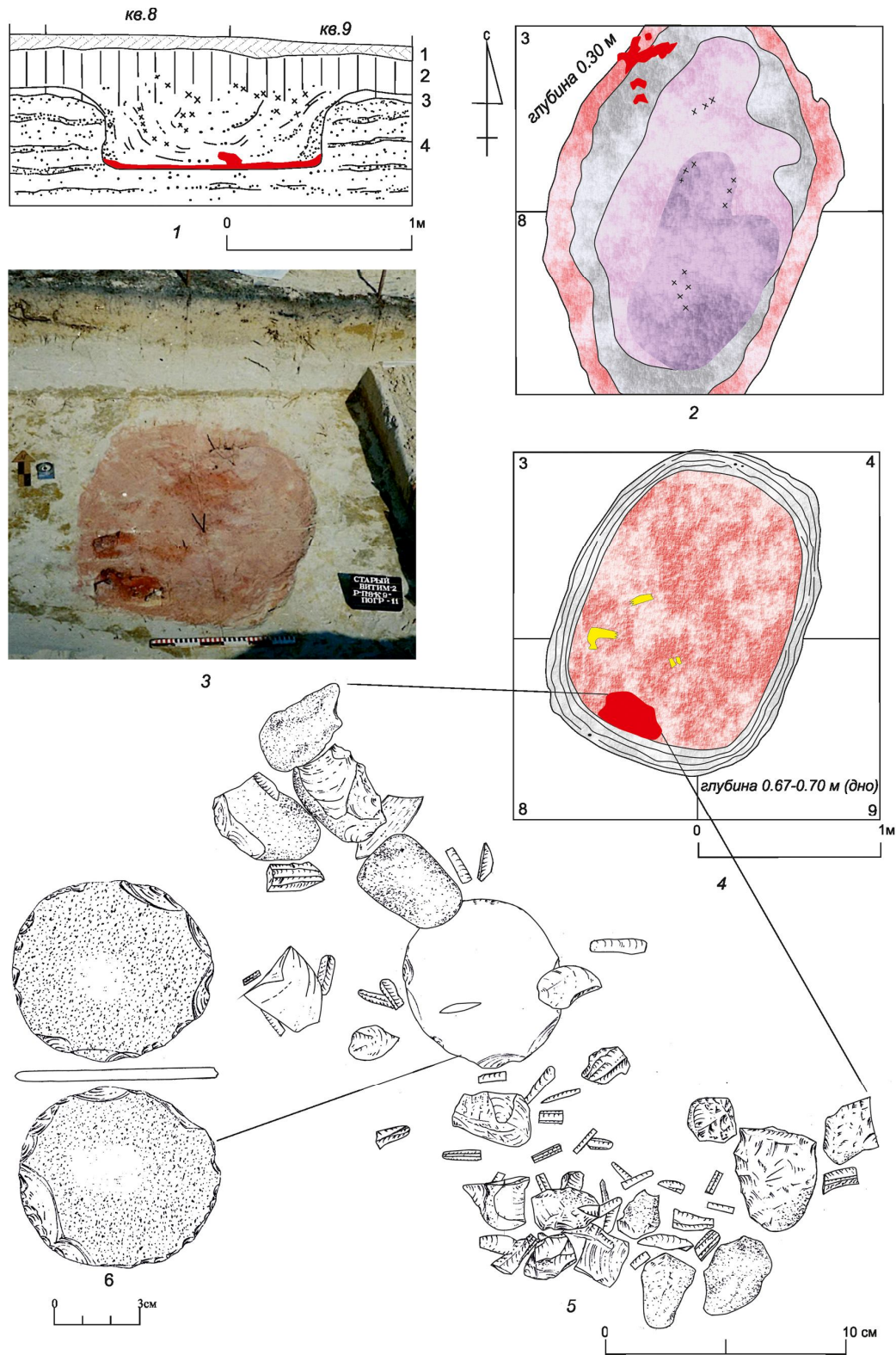

Рис. 3. Погребение № 10: 1–35 – пластины-вкладыши; 36 – обломок шлифованного орудия из нефрита;
37 – оббитое топорovidное изделие из нефрита

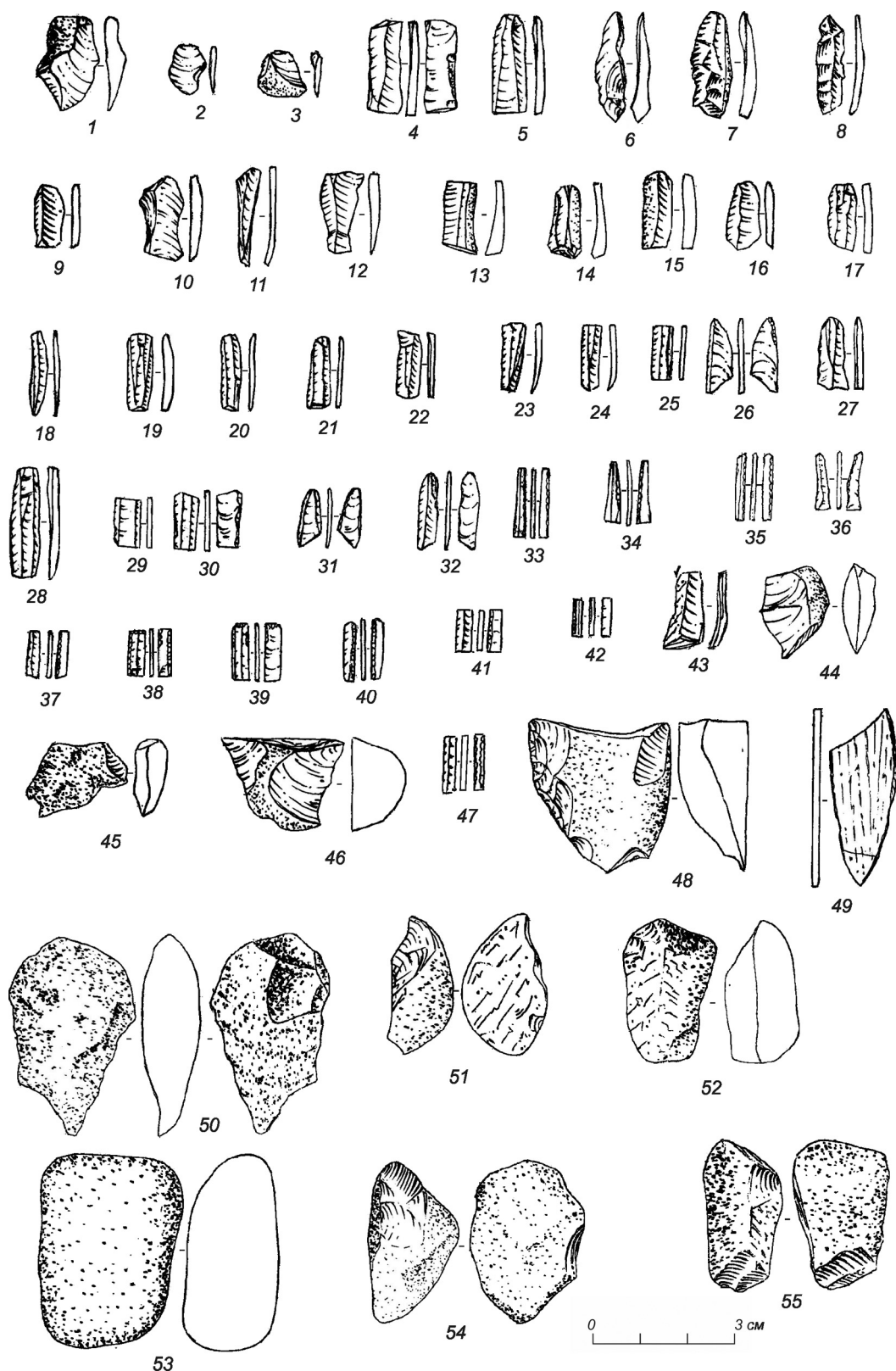
Fig. 3. Burial No. 10: 1–35 – insert blades; 36 – fragment of a polished jade instrument; 37 – knapped ax-shaped jade artifact

Рис. 4. Погребение № 11: 1 – фото нижнего уровня погребальной ямы; 2 – стратиграфический разрез погребения; 3 – план ямы на глубине 0,30 м; 4 – план ямы на глубине 0,67–0,70 м; 5 – план скопления артефактов на дне ямы; 6 – скребок

Fig. 4. Burial No. 11: 1 – photo of the lower level of the burial pit; 2 – stratigraphic section of the burial; 3 – plan of the pit at a depth of 0.30 m; 4 – plan of the pit at a depth of 0.67–0.70 m; 5 – plan of accumulation of the artifacts at the bottom of the pit; 6 – scraper

Рис. 5. Погребение № 11: 1–3, 44–46, 50 – отщепы; 4–42, 47 – пластинчатые сколы и пластины; 43 – резец; 48 – отщеп с ретушью; 49 – обломок шлифованного нефритового изделия; 51, 52, 54, 55 – обломки и заготовки нуклеусов; 53 – галька

Fig. 5. Burial No.11: 1–3, 44–46, 50 – flakes; 4–42, 47 – blade-like flakes and blades; 43 – chisel; 48 – retouched flake; 49 – fragment of polished jade implement; 51, 52, 54, 55 – fragments and preforms of the cores; 53 – pebbles

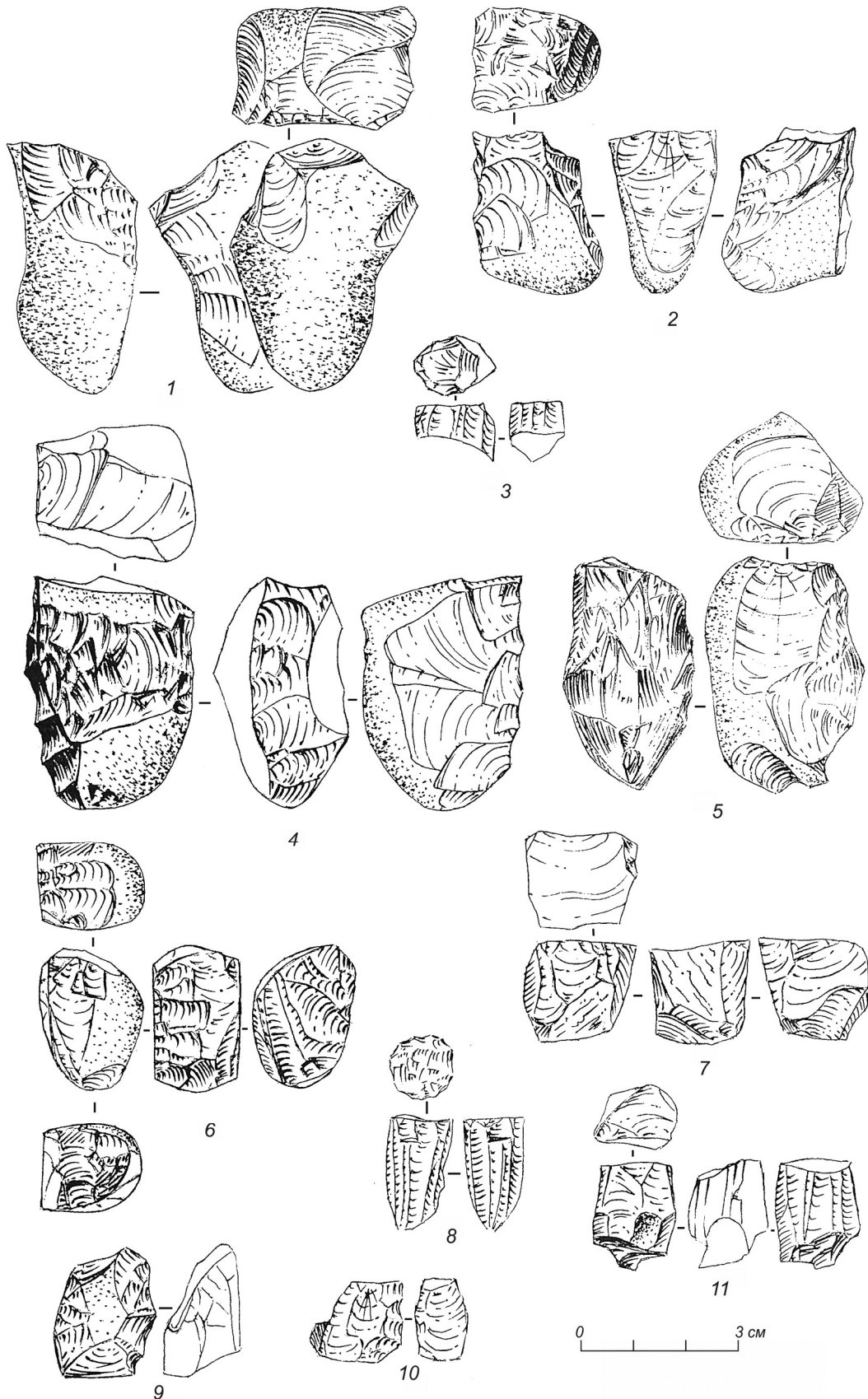

Рис. 6. Погребение № 11: 1–11 – заготовки нуклеусов
Fig. 6. Burial No. 11: 1–11 – core preforms

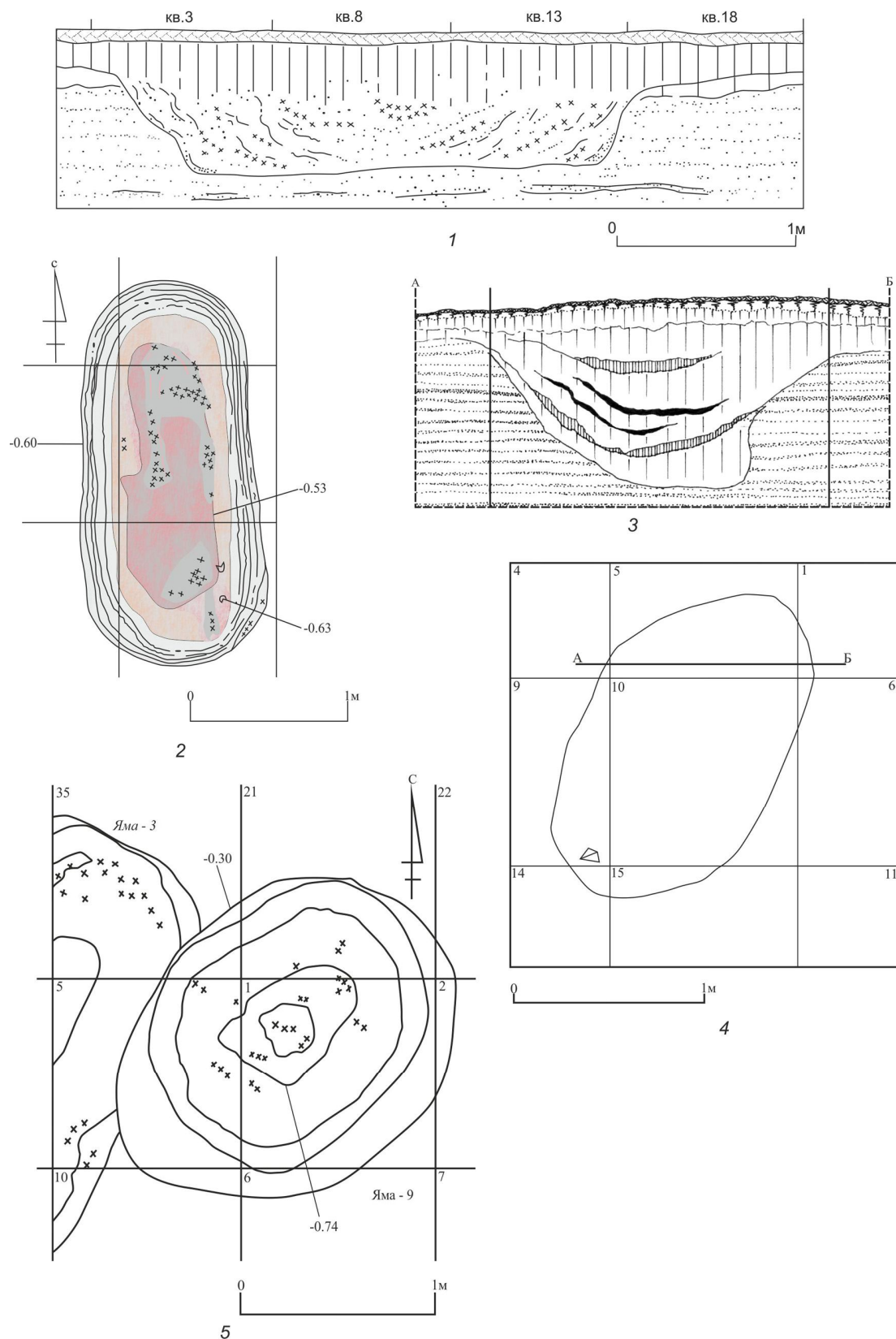

Рис. 7. Ямы № 9, 12, 14: 1 – разрез ямы № 12; 2 – план ямы № 12; 3 – разрез ямы № 14; 4 – план ямы № 14; 5 – план ямы № 9

Fig. 7. Pits No. 9, 12, 14: 1 – Section of the pit No. 12; 2 – plan of the pit No. 12; 3 – section of the pit No. 14; 4 – plan of the pit No. 14; 5 – plan of the pit No. 9

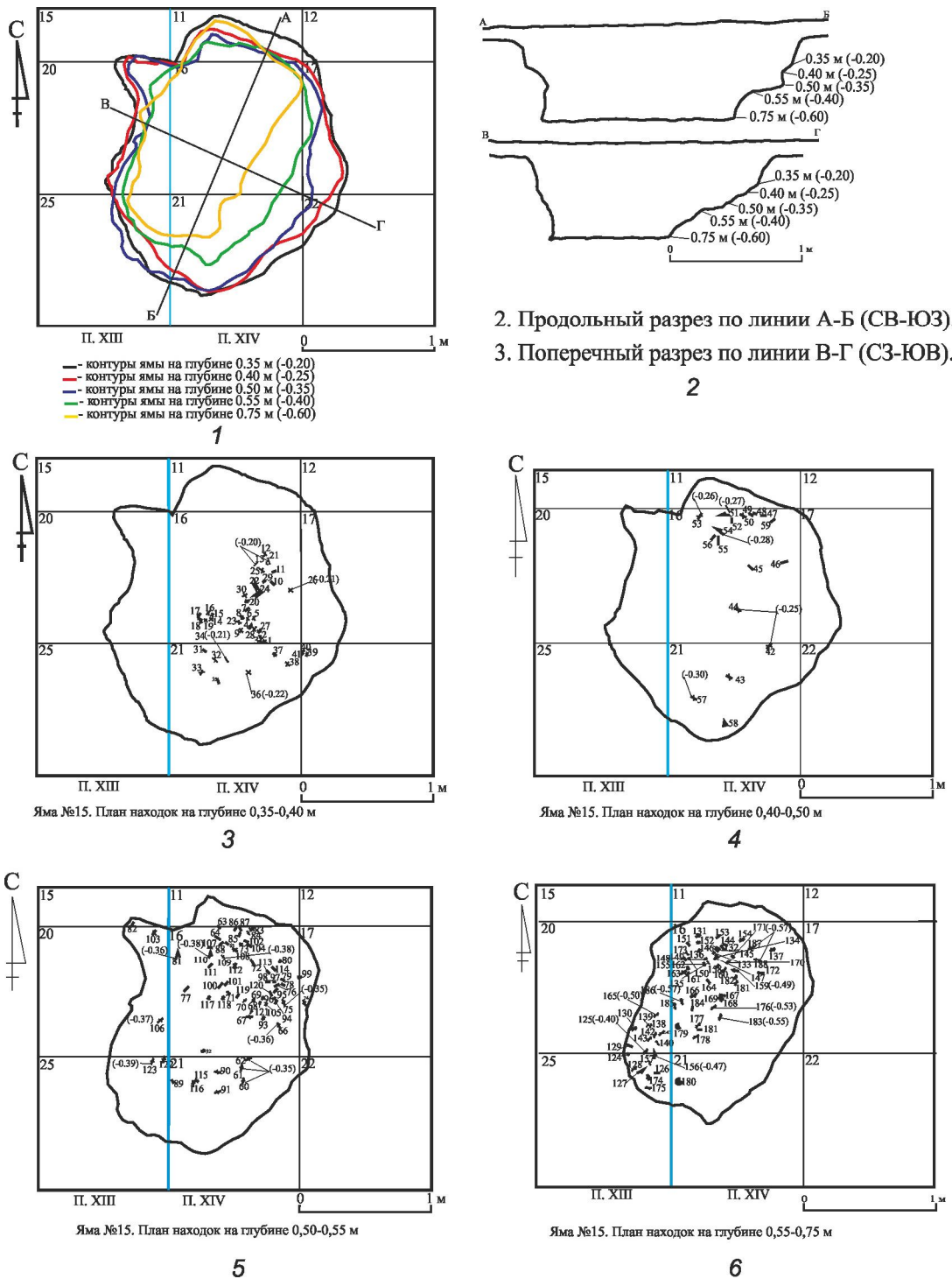
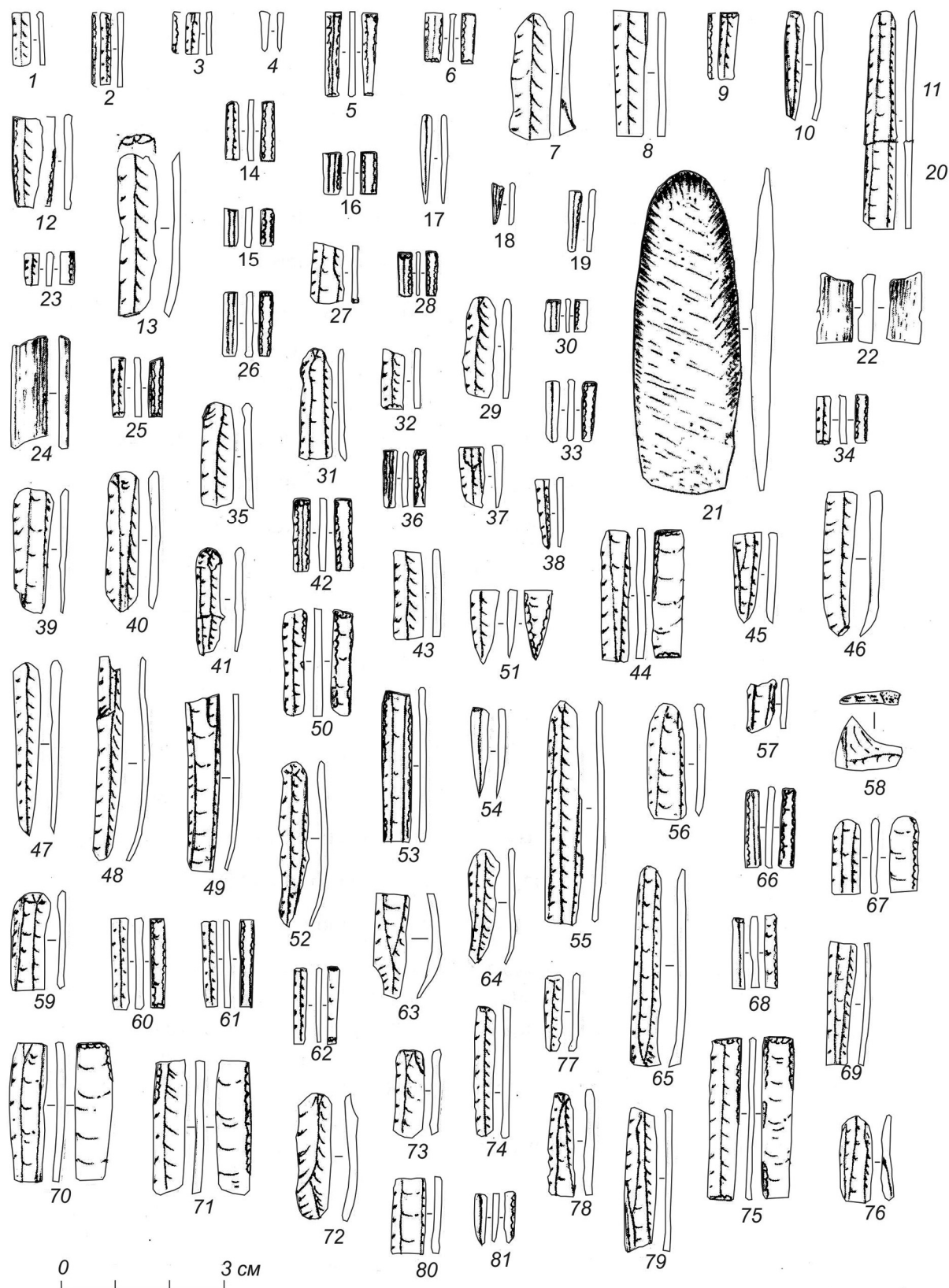

Рис. 8. Ритуальная яма № 15: 1 – контуры ямы; 2 – профили ямы; 3–6 – планы ямы на разных уровнях фиксации – разборки

Fig. 8. Ritual pit No. 15: 1 – pit contours; 2 – pit profiles; 3–6 – pit plans at different levels of excavation

Рис. 9. Ритуальная яма № 15: 1–20, 22–57, 59–76 – пластины; 21 – шлифованное изделие из нефрита; 58 – отщеп. Номера предметов соответствуют номерам, под которыми находки фиксировались на плане в процессе раскопок
Fig. 9. Ritual pit No. 15: 1–20, 22–57, 59–76 – blades; 21 – polished jade artifact; 58 – flake. The item numbers correspond to the numbers under which the finds were recorded on the plan during excavations

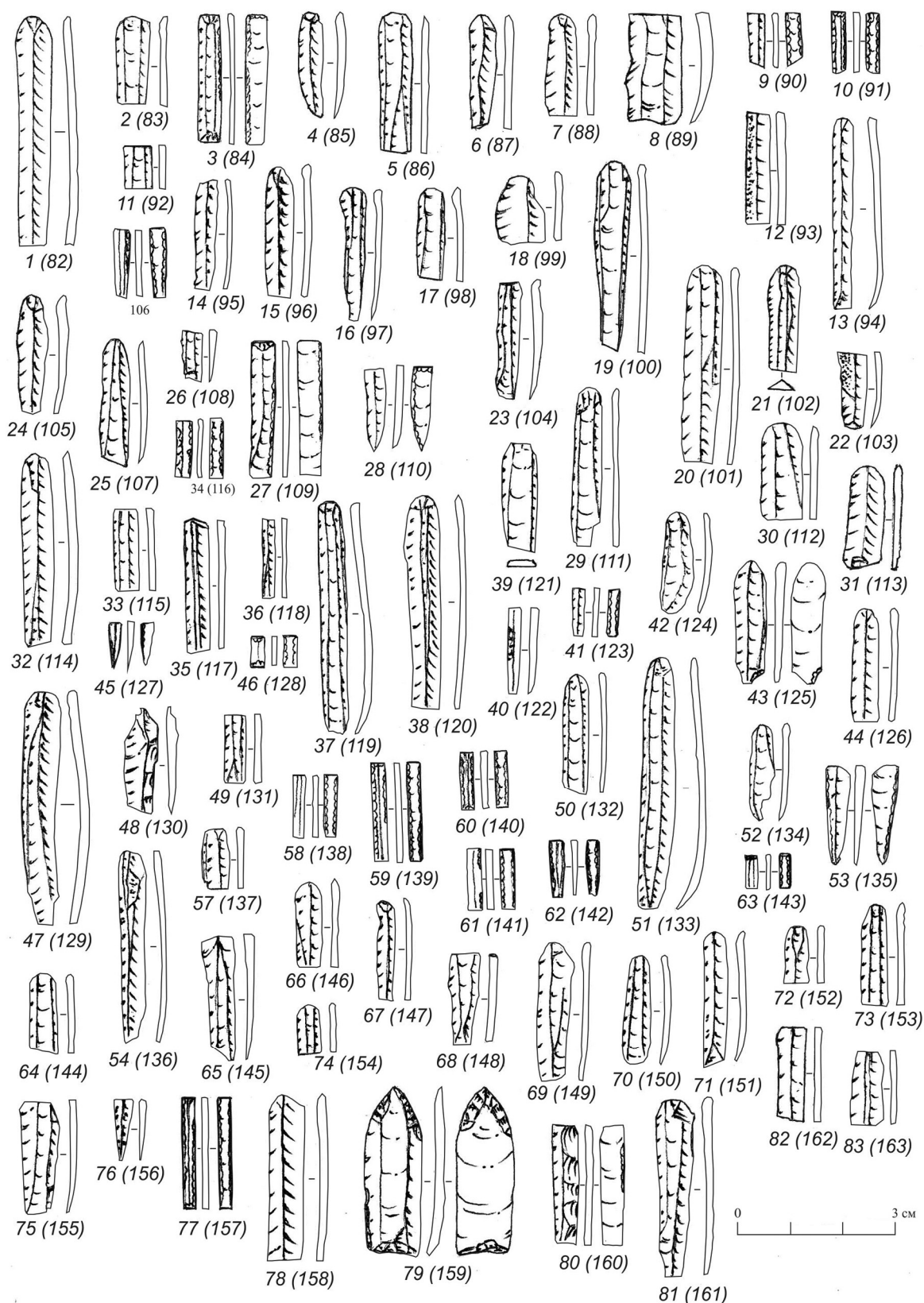
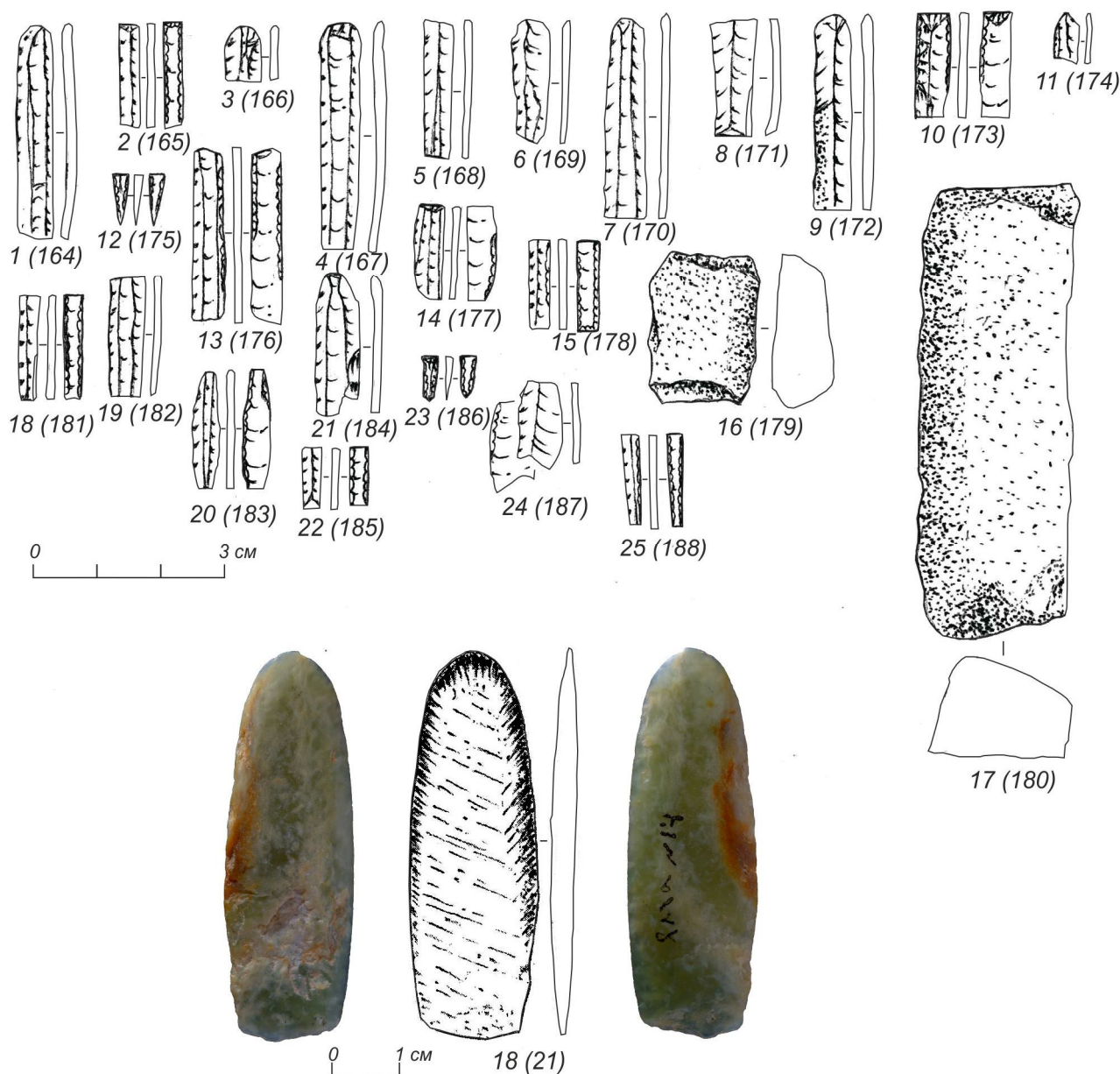

Рис. 10. Ритуальная яма № 15: 1–81 – пластины. В скобках даны номера, под которыми находки фиксировались на плане в процессе раскопок

Fig. 10. Ritual pit No. 15: 1–81 – blades. In parentheses are numbers under which the findings were recorded on the plan during excavations

Рис. 11. Ритуальная яма № 15: 1–15, 18–25 – пластины; 16, 17 – колотая галька; 18 – шлифованное изделие из нефрита (фото и рисунок). В скобках даны номера, под которыми находки фиксировались на плане в процессе раскопок. **Ритуальная яма № 14:** 19 – стратиграфический разрез; 20 – план

Fig. 11. Ritual pit No. 15: 1–15, 18–25 – blades; 16, 17 – crushed pebbles; 18 – polished jade artifact (photo and figure). In parentheses are numbers under which the findings were recorded on the plan during excavations. **Ritual pit No. 14:** 19 – stratigraphic section; 20 – plan

1

2

Рис. 12. Погребения № 10 и № 11: 1 – фото стратиграфического разреза погребения № 10;
2 – фото горизонтальных и вертикального разрезов ямы погребения № 11
Fig. 12. Burials No. 10 and No. 11: 1 – photo of the stratigraphic section of burial No. 10;
2 – photo of horizontal and vertical sections of the pit of burial No. 11

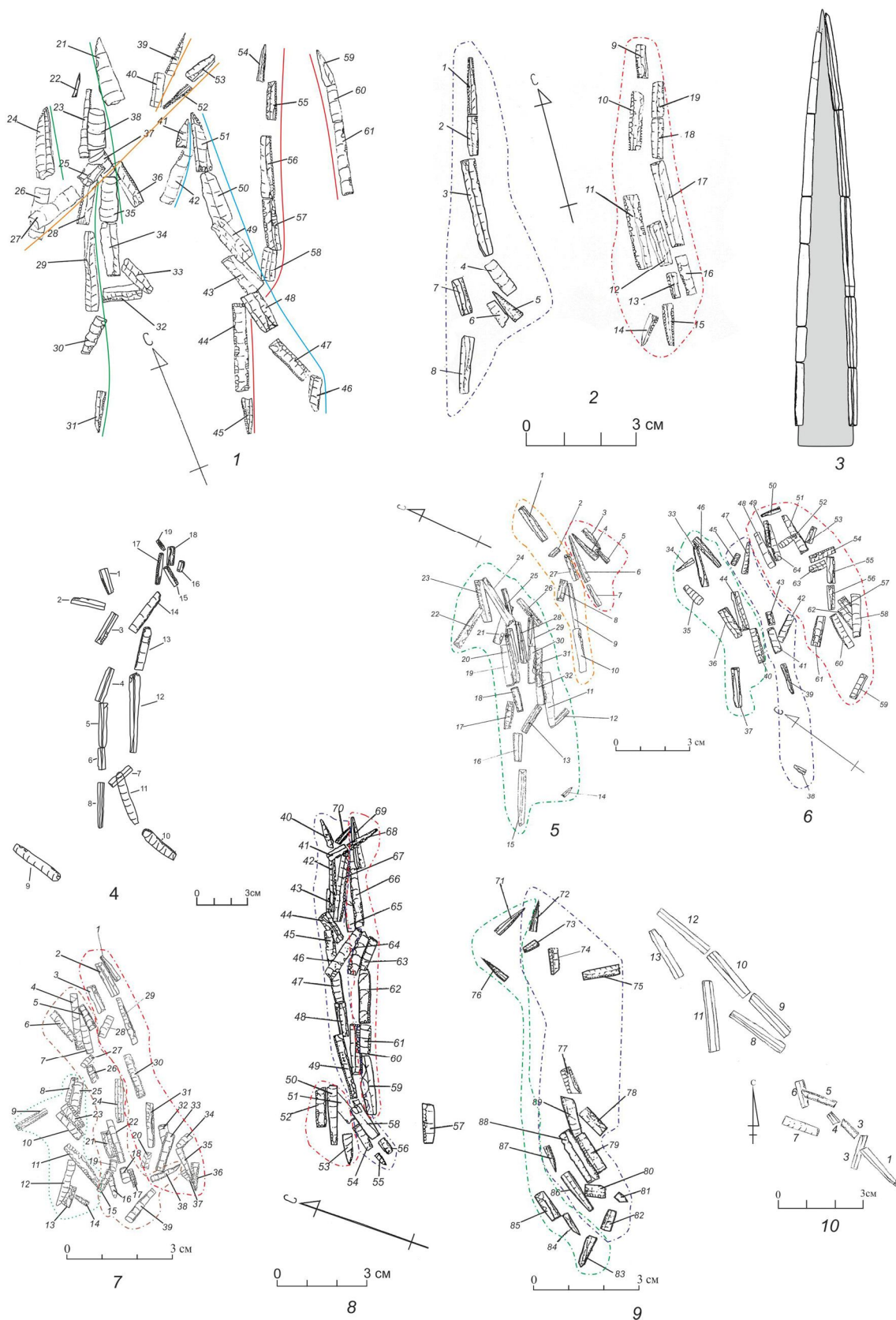

Рис. 13. Остатки вкладышевых орудий: 1, 2 – погребение № 4; 4–9 – погребение № 6; 10 – погребение № 10; 3 – реконструкция

Fig. 13. Remains of insert tools: 1, 2 – burial No. 4; 4–9 – burial No. 6; 10 – burial No. 10; 3 – reconstruction

песок, меняющийся к центру на серый, желтовато-серый с вкраплениями угля и сажистых примазок. В центральной части заполнения выявлена вогнутая линза угля (рис. 12.2). С самого начала местами прослеживались пятна охры с перерастанием ко дну в сплошную засыпку (рис. 4.3, 4). На глубине 0,25–0,45 м (засыпка) были найдены 3 отщеп и 2 призматические пластины (рис. 5.1–5). На дне ямы (глубина 0,65 м) благодаря использованию пульверизатора удалось выявить контуры черепной коробки человека и по зубам восстановить расположение нижней челюсти. На некотором отдалении обнаружено несколько зубов и фрагмент трубчатой кости. В юго-западной части ямы, на самом краю, было зафиксировано скопление каменных артефактов размерами 0,34 × 0,20 м, густо засыпанное охрой красновато-бурого цвета (рис. 4.4, 5, 6). В скоплении обнаружено 62 предмета: 37 пластинчатых сколов и пластин (рис. 5.6–42), часть из которых ретуширована (рис. 5.47), одна пластина носит негатив резцового продольного скола (рис. 5.43), 3 отщепа (рис. 5.44–46), ретушированный по краю отщеп (рис. 5.48), обломок шлифованного нефритового изделия (рис. 5.49), окатанный отщеп (рис. 5.50), галька (рис. 5.53), заготовки нуклеусов, нуклеусы и обломки нуклеусов (рис. 5.51–55; 6.1–11), плитка песчаника округлой формы, обколотая по краю с обеих сторон (рис. 4.6).

Яма № 12 (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). Длинной осью яма, имевшая форму овала, ориентирована по линии север – юг (рис. 7.1, 2). В южной ее части на глубине 0,55–0,60 м найдены отщеп и колотая галька, на глубине 0,70 м – колотая галька. Экстремальная точка дна, приходящаяся на его северную половину, фиксировалась на глубине 0,80 м от дневной поверхности. Заполнение ямы насыщено древесным углем и содержит в засыпке несколько предметов.

Яма (кенотаф) № 14 (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). Была раскопана в 1993 г. Е.М. Инешиным в результате прирезки к раскопу 1977 г., расположенной в двух метрах к северо-западу от погребения № 1 (Инешин, 1995; Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). Яма про-

слежена с глубины 0,30 м от дневной поверхности (рис. 7.3). Основная ориентация ямы ЮЗ – СВ (рис. 7.4). В ходе раскрытия ямы хорошо читались четыре углистые прослойки в ее заполнении. Из одной из них взят уголь на радиоуглеродный анализ (табл.; рис. 14). На дне зафиксированы комочки охры. В юго-западном углу ямы в вертикальном положении обнаружена уплотненная оббитая галька.

Яма (кенотаф) № 15 (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). Фиксировалась с глубины 0,35 м от дневной поверхности. На глубине 0,35 м имела форму неправильного овала размером 2,05 × 1,50 м, вытянутого по длинной оси по линии СВ – ЮЗ (рис. 8.1–3). Ко дну (глубина 0,75 м) приобрела очертания неправильного прямоугольника с округлыми углами, размерами 1,60 × 1,10 м (рис. 8.6). Во всей толще засыпки по условно выделенным пластам фиксировались артефакты 188 экземпляров (рис. 8.3–6, 9, 10, 11). Материал представлен призматическими пластинами и их сегментами, в том числе ретушированными (рис. 9.1–20, 22–81; 10.1–78, 80–82; 11.1–15), на глубине 0,35 м в северо-восточной части был обнаружен нож из светло-зеленого нефрита (рис. 9.21; 11.18). Помимо означенных артефактов были найдены отщеп (рис. 9.58), наконечник стрелы на пластине (рис. 10.79), обломки гальки (рис. 11.16–17) и фрагменты костей птиц. По структуре яма № 15 схожа с ямами погребений (присутствие охры, угля, ориентация по длинной оси по линии СВ – ЮЗ). Остатков скелета человека найдено не было.

Таким образом, на могильнике Старый Витим II на сегодняшний день известно 8 погребений человека, 7 ям ритуального (кенотафы), либо хозяйственного назначения.

Обсуждение

В общей сложности за все годы исследования стоянки-могильника Старый Витим II раскопано 15 ям (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). В восьми из них (№ 1–6, 10, 11) были выявлены остатки костяка, зубы, позволившие определить эти объекты как погребения. В них был и самый выразительный погребальный инвентарь. Еще че-

Радиоуглеродные даты археологического местонахождения Старый Витим II

Radiocarbon data of the Staryi Vitim II site

Номер	14С дата	Календарный возраст, л. н. (95,4 %)	Медиана, л. н.	Образец	Погреб./рит. комплекс
ТО-11562	6830±70	7826-7571	7669	кость	2
ТО-11563	23140±270	27842-26881	27415	кость	3
ТО-11565	3070±310	4090-2651	3276	кость	5
ТО-11566	5860±430	7595-5877	6718	кость	6
ТО-11567	5520±70	6452-6186	6324	кость	11
ТО-11569	1460±60	1424-1285	1360	кость	13
ТО-11570	6730±70	7691-7467	7594	уголь	1
ТО-11571	6630±80	7659-7420	7517	уголь	3
ТО-11572	6350±70	7429-7158	7286	уголь	4
ТО-11573	1890±70	1992-1692	1829	уголь	5
ТО-11574	6630±80	7659-7420	7517	уголь	6
ТО-11575	3320±70	3713-3387	3553	уголь	7
ТО-11576	3480±60	3896-3593	3754	уголь	8
ТО-11577	9320±80	10711-10721	10519	уголь	9
ТО-11578	4340±60	5064-4823	4928	уголь	10
SOAN-4433	6415±70	7443-7239	7344	уголь	4
SOAN-4434	7280±65	8204-7962	8095	уголь	2
SOAN-4435	6500±60	7510-7287	7411	уголь	3
GIN-9002	4550±90	5470-4958	5192	уголь	

тыре ямы (№ 7, 9, 14, 15) воспроизводили ту же ориентацию с ЮЗ на СВ и ту же подпрямоугольную форму. Эти ямы определены как кенотафы. Две из них (№ 7 и 15) равно как и погребения содержали археологический материал (инвентарь?), охра, были потревожены более поздним вторжением. Яма № 7 была нарушена, во-первых, как и остальные, поздним вторжением, во-вторых, она частично разрушена более поздней ямой № 13. В яме № 7 найдено шлифованное нефритовое тесло – характерный для погребений предмет. В этой связи допустимо предположить, что ею является разрушенная могила. А еще две ямы (№ 9 и 14) инвентаря не имели, были, практически, пустыми. В этой связи мы допускаем возможность того, что они вырыты впрок и не использованы по погребально-ритуальному назначению.

В плане погребения и кенотафы ложились в три линии, ориентированные с СЗ на ЮВ (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). 1-я линия состояла с ЮВ на СЗ из трех могил № 5, 1, 2 и одного кенотафа № 14, расположенного между могилами № 1 и 2, на один корпус выбиваясь из линии на ЮЗ. 2-я линия, самая многочисленная, состояла из погребений № 10, 6, 3, кенотафа № 9, погребений № 3, 4, кенотафа № 7. Эта линия отстоит от первой на 3–4 м к северо-востоку. 3-я линия расположена на 2,5–3 м северо-восточней второй линии, состояла из погребения № 11 и кенотафа № 15. Следует отметить, что пустые кенотафы № 14 и 9 расположены, практически, напротив друг друга в 1-й и 2-й линиях, по отношению друг к другу – по одной линии, совпадающей с ориентацией ям – с ЮЗ на СВ. Между ними расстояние – 7,10 м.

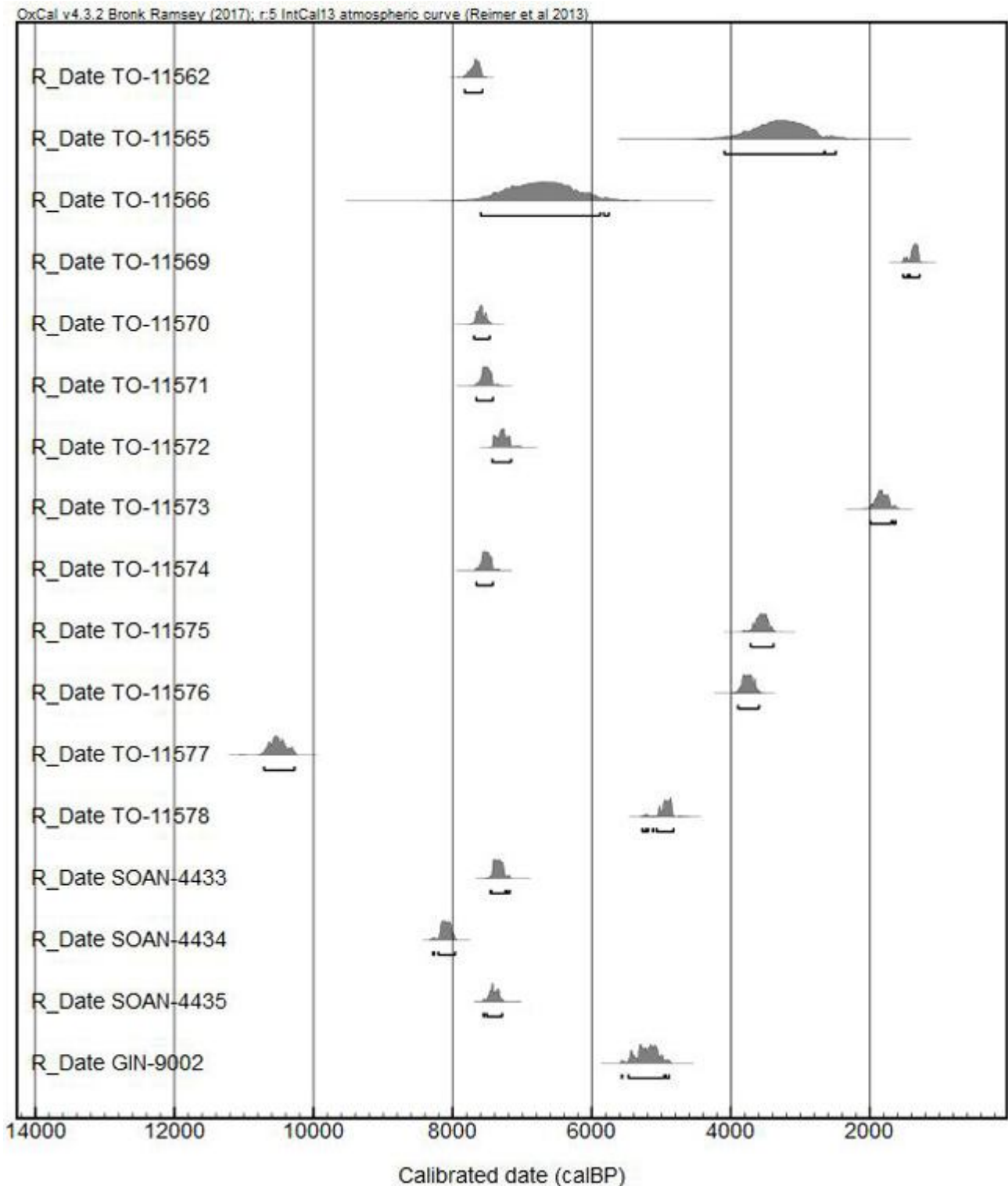

Рис. 14. Радиоуглеродное датирование ям (погребений, кенотафов, хозяйственных ям) стоянки-могильника Старый Витим II

Fig. 14. Radiocarbon dating of pits (burials, cenotaphs, utility pits) of the Staryi Vitim II site

Еще три ямы (№ 8, 12, 13) отличаются и от погребений, и от кенотафов тем, что, во-первых, не имеют общей с ними ориентации на ЮЗ – СВ, во-вторых, не имели ни остатков костяка, ни охры, ни характерного для могильника инвентаря. В этих трех ямах были единичные находки в заполнении, судя по некоторым из них, более поздние, скорее происходящие из стояночных культурных горизонтов. Поскольку яма № 13 нарушила яму (кенотаф) № 7, велика вероятность, что пятно охры и единичные находки оказались в ее заполнении из более ранней ямы № 7. Ямы № 12 и 13 – овальные, вытянутые с Ю на С. Яма № 8 – округлая. Яма № 8, примерно, на 4 метра отстоит к югу от ближайшей к ней 1-й линии ям. Яма № 12 расположена между 1-й и 2-й линиями и юго-восточнее самых крайних их погребений. Яма № 13 наложена на юго-западный угол ямы кенотафа № 7, самого крайнего во 2-й линии могильника. Мы считаем, что ямы № 8, 12 и 13 не имеют прямого отношения к могильнику, более поздние и, вероятно, не ритуальные.

Опишем теперь характерные признаки погребений. Ямы могил и кенотафов подпрямоугольные, варьируют в глубине от 0,30 до 0,60 м, все ориентированы с ЮЗ на СВ. Вероятно, некоторые ямы какое-то время оставались открытыми, выкапывались заранее (как в случае с кенотафами), что привело в ряде ям к заплыванию стенок. Все погребения засыпаны слоем чистой, темно-красной, порошкообразной охры мощностью до 5 см (рис. 4.3; 12.1) (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 20. Рис. 6.26; С. 21. Рис. 7.39; С. 23. Рис. 8.4; С. 28. Рис. 13.3). По характеристике Е.И. Демонтеровой (Институт земной коры СО РАН, Иркутск), охра представлена мономинеральным веществом (без примесей), состоящем из шариковых отдельностей гематита, создающих мажущий след. Охра подстилала и перекрывала костяки. Погребенные лежали на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ, лицевой частью на ЮВ (удалось проследить по ямам № 3, 4, 5). Сопроводительный инвентарь состоял из вкладышевых двулезвийных наконечников или кинжалов, вкладышами которых являлись микропластины из прозрачного, белого

халцедона, заготовок и законченных оббитых и шлифованных орудий из светло-зеленого нефрита (тесел, ножей, остроконечников), цилиндрических пирофиллитовых бусин. Отдельно следует отметить стерженок китойского типа от составного рыболовного крючка, обнаруженный в ходе расчистки погребения 1977 г. (№ 1) на дне могильной ямы. Найденный в погребении № 1 скребок – также единственный. Скопления погребального инвентаря регистрировались в районе черепа и сбоку от костяка, в районе груди – живота. В качестве подделочного материала предпочтение древними отдавалось халцедону, нефриту, пирофиллиту.

Основу охотничьего вооружения могильника Старый Витим II составляют вкладышевые двулезвийные клинки. Несмотря на то, что костяные обоймы не уцелели, а пластины-вкладыши не всегда сохранили геометрию лезвий, по совокупности признаков предпринята попытка выделения вкладышевых наконечников в скоплениях: два в погребении № 1, шесть в погребении № 4 (рис. 13.1–2), четырнадцать – в погребении № 6 (рис. 13.4–9), два – в погребении № 10 (рис. 3.13–10). Предварительный трасологический осмотр вкладышей, проведенный А.А. Улановым под бинокляром МБС-10, показал наличие на них следов ударного воздействия. Характерной чертой этих сложносоставных, композитных орудий является заправка левого и правого лезвий пластинами-вкладышами по антитезе, т. е., если одно лезвие несло пластины дорсальным фасом вверх, то другое – дорсалом вниз (рис. 13.3) (Ветров, 1982. Рис. 8.1). Отмечено, что окончание лезвий оформлено, как правило, асимметрично-остроконечными вкладышами, ретушированными мелкой краевой ретушью. Всего найдено 64 концевых вкладыша. Если рассчитывать количество орудий, исходя из четырех концевых вкладышей на два лезвия – одну обойму, то их должно быть 16. Наконечники были сложены в районе живота – груди погребенного, и если это охотничьи наконечники, а не кинжалы, то они были сняты с древков. Исключение составляет погребение № 4, где скопление вкладышевых орудий находилось за спиной костяка. В наиболее богатых на наконечники могилах № 6 и 4 эти орудия, похо-

же, были уложены компактно, параллельно друг другу. Изделия представляли собой двулезвийные вкладышевые орудия, предположительно, шириной от 1 до 1,7 см, и длиной клинка от 9 до 18 см.

На могильнике Старый Витим II найдена самая большая на Витиме серия изделий из светло-зеленого витимского нефрита – 17 предметов. Это – два шлифованных тесла в погребении № 5; пять тесловидных оббитых форм, две овальные оббитые, две остроконечные оббитые формы, один шлифованный нож, один обломок шлифованного лезвия тесла в погребении № 6 (всего 11 предметов); одно шлифованное тесло в яме-кенотафе № 7; одно оббитое тесло и один обломок шлифованного ножа в погребении № 10; шлифованный нож в яме-кенотафе № 15. Два шлифованных ножа отличаются друг от друга. Один – широкий с прямым лезвием и выпуклым обушком происходит из погребения № 6, определен В.И. Базалийским (Иркутский государственный университет) как, так называемый, строгальный нож (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 28. Рис. 13.4). Другой нож из кенотафа № 15 имеет узкую прямую форму (рис. 11.18). Оба несут следы работы. Все оббитые предметы первоначально были восприняты как заготовки шлифованных тесел и ножей. Однако предварительный трасологический осмотр их А.А. Улановым под биноклем МБС-10 показал, что часть оббитых вещей уже была в работе: это один остроконечник (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 28. Рис. 13.1) и овальное изделие со следами скребковой работы одним продольным краем (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 27. Рис. 12.4). Шлифованные тесла также уже были амортизированы. В погребении № 6 оббитые нефритовые изделия лежали скоплением в районе головы (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 26. Рис. 11.1, 2). В погребении № 10 оббитое тесло – в районе живота.

Засыпка могильных ям и кенотафов представляет структурно сложное явление. Практически, во всех могилах на разных уровнях засыпки ямы, в разных дирекциях залегания фиксировались археологические материалы. Это может означать, что имело место позднее вторжение в захоронение и

засыпка затем отвалом вторичной ямы, хаотично включающим в себя артефакты со дна могилы. Затем важнейшей чертой погребений № 1, 3, 4, 6, 7, 11, кенотафа № 14 является образование одной или нескольких (в случае с ямами № 3, 14) линз угля на неполной засыпке ямы (рис. 7.3; 12.2) (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 20. Рис. 6.26). По нашему мнению и по мнению В.И. Базалийского, с которым мы консультировались, линзы угля в депрессиях частично засыпанных ям являются артефактом и должны быть интерпретированы как ритуальное событие, в неизвестной степени отстоящее от самого погребения.

Если судить по радиоуглеродным датам из углей таких линз, костры в частично засыпанных древних могилах горели на несколько тысяч лет позднее: около 5,3–4,8 и около 3,9–3,4 тыс. календ. л. н. (табл.; рис. 14). Имея стояночные материалы 1 и 2 культурных горизонтов, мы вправе предположить их связь и рассматривать версию вмешательства в погребения обитателей эпизодов этих горизонтов. Следует отметить, что материалы погребений и культурных горизонтов отличны друг от друга по ряду признаков. Если в погребениях доминирует белый халцедон, то на стоянке – оранжевый и желтый халцедон. На стоянке нет нуклеусов и пластин, соразмерных длинным (до 4 см) пластинам из могил. На стоянке нет орудий из нефрита. В погребениях нет бифасиальных вкладышевых изделий и бифасиальных наконечников стрел, как нет и керамики. В этом отношении выделяется яма № 13, в засыпке которой найден такой бифас-вкладыш (рис. 1.7). Стратиграфически яма более поздняя по отношению к нарушенному ею кенотафу № 7. Вероятно, она, а также ямы № 8 и № 12 (третья группа ям) возникли в одном из эпизодов обитания людей здесь на стоянке.

Автором раскопок В.М. Ветровым неоднократно предпринимались усилия по датированию могильника (табл. 1; рис. 14). Сложности радиоуглеродного анализа, однако, имеют комплексный характер. Крайне плохая сохранность костей привела к низкому содержанию коллагена и в итоге к разбросу дат. На этот недостаток указывали специалисты радиоуглеродной лаборатории Торонто.

Угли из засыпки, как оказалось, не обеспечивают «прямого датирования», поскольку, как удалось выявить, засыпка ям не являлась одноактным погребальным действием. А наличие двух явно более древних дат может указывать на попадание в ямы древней углефицированной древесины (использование в качестве дров?). Попутно стоит отметить, что песчаные отложения Муйской долины богаты древней погребенной древесиной. Пожалуй, единственным решением этой проблемы может стать накопление статистики радиоуглеродных дат. На сегодняшний день получено 19 дат (табл.; рис. 14). Из них девять определений лежат в возрастном диапазоне около 8,2–7,2 тыс. календ. л. н., еще две даты находятся в диапазоне около 5,3–4,8 тыс. календ. л. н. и три даты в диапазоне около 3,9–3,4 тыс. календ. л. н. Все даты древнего интервала получены из погребений. Мы считаем, что в оценке возраста могильника можем опереться на эту серию.

На начальном этапе исследований в основу датировки могильника Старый Витим II были положены стратиграфическое наблюдение и типологический анализ сопроводительного инвентаря по аналогиям с погребальными комплексами и стоянками долины Витима и Западного и Восточного Прибайкалья в целом (Базалийский, 2012; Ветров, 2008; Георгиевская, 1989; Горюнова, 1997; Горюнова, 2002; Ивашина, 1979; Конопацкий, 1982; Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008; Людников, 2010; Окладников, 1950; Окладников, 1974; Окладников, 1975; Окладников, 1976). Морфотипологический поиск обнаруживает наибольшие параллели по ритуалу захоронений и набору сопроводительного инвентаря с щукинской западнобайкальской хронологической группой погребений (Базалийский, 2012). Схожие черты могильников Щукино, Долгополова, Ерши проявляются в идентичном скорченном на боку труположении, наличию охры. Их сопроводительный инвентарь также имеет схожесть с инвентарем могильника Старый Витим II в таких позициях как призматические пластины, вкладышевые лезвия, шлифованные рубящие орудия. Радиоуглеродный возраст данной

группы определяется в пределах 7500–7000 л. н. (Базалийский, 2012. С. 58).

С другой стороны, обсуждая характерные особенности погребального обряда могильника Старый Витим II, следует отметить, что для юга Забайкалья подобное положение костяков с наличием охры относится к наиболее ранним (Константинов, 1994; Лбова, Жамбалтарова, 2004; Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008). В четырех погребениях, отнесенных к китойскому времени, могильника Бухусан на оз. Исинга в Еравнинской котловине отмечена подобная практика. По ним имеются даты в диапазоне от 6650 ± 90 л. н. (ГИН-444) до 4520 ± 50 л. н. (ГИН-4803) (Мамонова, Сулержицкий, 1989). Причем в трех погребениях отмечается охра и скорченное на правом боку положение костяка (Ивашина, 1979; Ивашина, 2000). Аналогично к признакам погребальных комплексов фофановской (восточнобайкальской) ранненеолитической группы относятся «труположение на боку с подогнутыми ногами, юго-западная ориентировка погребенных, отсутствие составных рыболовных крючков китойского типа, бифасиально обработанных наконечников стрел и керамики» (Базалийский, 2012. С. 69). Аналогию по признакам засыпки погребенных охрой и труположения на правом боку с подогнутыми ногами мы находим и в хоторукской группе захоронений (приольхонский вариант китойской погребальной практики) (Горюнова, Новиков, 2018. С. 65; Конопацкий, 1982), по комплексу остальных признаков (ориентация, надмогильные и внутримогильные сооружения, инвентарь и др.) отличной от Старого Витима II.

Ближайшее к Старому Витиму II погребение зафиксировано на местонахождении Нижняя Джилinda (Сивакон) I, расположенном южнее Южно-Муйского хребта в Бамбуйской котловине. В этом погребении присутствовали изделия и заготовки из нефрита, цилиндрические бусины из агальматолита, призматические пластины, обойма вкладышевого двулезвийного кинжала из кости, жала составного рыболовного крючка, (Ветров, Задонин, Инешин, 1993). Радиоуглеродная дата 7230 ± 40 л. н. (ГИН-405) с Сиваконского погребения, сделанная по костям скелета, хронологически несколько

древнее или близка возрасту могильника Старый Витим II. Общими для обоих погребальных памятников (Старый Витим II и Сивакон I) являются вкладышевые орудия, цилиндрические бусины, а также сам факт использования витимского светло-зеленого нефрита. Различия отмечаются в отсутствии каменной кладки и внутримогильных плит в погребениях Старого Витима II, в положении костных остатков, наличии и отсутствии отдельных категорий инвентаря (например, костяное жало рыболовного крючка на Сиваконе I, тесла на Старом Витиме II).

Обращают на себя внимание находки и на Старом Витиме II, и на Сиваконе I артефактов, привычно относимых археологами к китойскому комплексу: это стерженек рыболовного крючка «китойского типа» из погребения № 1 Старого Витима II и треугольные шлифованные ножи из перекрытия погребения на Сиваконе I (слой 5а). Хронологически Старый Витим II близок, а Сивакон I несколько древнее ранней возрастной границы китойской группы (Базалийский, 2012). По общему облику труположения и погребального инвентаря в целом погребения Старого Витима II контрастно отличаются от «классических» китойских могил Южного Прибайкалья.

На местонахождении Усть-Каренга XVI, которое расположено в устье р. Каренги (правый приток р. Витим), известны две ритуальные ямы с охрой и инвентарём (Ветров, 2008). Артефакты в них сконцентрированы компактной группой в западной части ямы. Возможно, изначально они находились в какой-то ёмкости. Остатков скелета человека не обнаружено (кенотафы?). Описанные ямы датированы атлантическим периодом. Аналогии с ритуальными ямами, в частности, с погребением № 11,

кенотафом № 15, расположенными на археологическом объекте Старый Витим II, выражаются в засыпке ям охрой, наличии «запаса» призматических нуклеусов и микропластин.

Заключение

На могильнике Старый Витим II на сегодняшний день известно 8 погребений, 4 ритуальные ямы, интерпретированные как кенотафы, и еще 3 ямы, определенные как более поздние, не ритуальные.

В рамках археологической периодизации могильник отнесён к рубежу мезолита – раннему неолиту календарным возрастом около 8,2–7,2 тыс. л. н. По погребальному обряду и инвентарю была отмечена схожесть погребений с щукинской финальномезолитической группой Прибайкалья и раннеолитической фогановской группой погребений южного Забайкалья. Обсуждаются имеющиеся на Старом Витиме II единичные признаки китойской культуры Прибайкалья. Региональный археологический контекст могильнику Старый Витим II составляют погребение со стоянки Нижняя Джилинда (Сивакон I) и ритуальные ямы стоянки Усть-Каренга XVI на Верхнем Витиме.

Отмечается вскрытие погребений и кенотафов в более позднее время и организация, вероятно, ритуальных костров в не полностью засыпанных ямах. Даты по углю из этих кострищ определяют возраст около 5,2–3,2 тыс. календарных лет назад. Возможно, с этими эпизодами ритуальной постпогребальной практики связаны более поздние по отношению к могильнику культурные горизонты, отнесенные по типологии керамики к устьюмурченской культуре Верхнего Витима.

Библиографический список

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИРГТУ, 2012. Вып. 9. С. 43–101.

Ветров В.М. Археологические исследования в Муйской котловине (1976–1978) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири: сб. науч. тр.

References

Bazaliiskii V.I. (2012) Funeral complexes of the Late Mesolithic – Neolithic of Baikal Siberia: burial traditions, absolute age. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 9. P. 43–101. (In Russ.)

Vetrov V.M. (1982) Archaeological research in the Muya depression (1976–1978). *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Vostochnoi Sibiri: sb. nauch. tr.* = The

Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета. 1982. С. 86–100.

Ветров В.М. Ритуальный комплекс в устье р. Каренга (долина р. Витим) и некоторые проблемы неолита Восточной Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2008. Вып. 6. С. 28–43.

Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М. Много-слойное местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон I) в Бамбуйской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1993. С. 98–113.

Ветров В.М., Шергин Д.Е., Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Ч. 1: Погребально-ритуальные комплексы № 1–6 // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15 (4). С. 9–34.

Георгиевская Г.М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989. 152 с.

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2002. 84 с.

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 112 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Результаты изучения и датирования погребальных комплексов раннего неолита Приольхонья (оз. Байкал) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 23. С. 44–70.

Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск, 1979. 154 с.

Ивашина Л.Г. Элементы китайской культуры в неолите Забайкалья // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 1: Археология. Этнология. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 55–63.

Инешин Е.М. Некоторые аспекты создания модели деятельности человека в плейстоцене в горно-таежной зоне (Байкало-Патомское нагорье, нижнее течение р. Витим) // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск, 1995. С. 187–189.

material culture of the ancient population of Eastern Siberia: Collection of scientific works. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 86–100. (In Russ.)

Vetrov V.M. (2008) Ritual complex at the mouth of the River Karenga (valley of the Vitim River) and some problems of the Neolithic of Eastern Siberia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 6. P. 28–43. (In Russ.)

Vetrov V.M., Zadonin O.V., Ineshin E.M. (1993) The multilayered site Lower Dzhilinda (Sivakon I) in the Bambuy depression. *Kul'tury i pamyatniki epokhi kamnya i rannego metalla Zabaikal'ya* = Cultures and sites of the Stone and Early Metal Ages of Transbaikalia. Novosibirsk: Nauka. P. 98–113. (In Russ.)

Vetrov V.M., Shergin D.E., Teten'kin A.V. (2019) The archaeological site Staryi Vitim II in the Muisko-Kuandinsky depression (Republic of Buryatia). Part 1: Funeral and ritual complexes No. 1–6. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 9–34. (In Russ.)

Georgievskaya G.M. (1989) Kitoy culture of the Cis-Baikal region. Novosibirsk: Nauka. 152 p. (In Russ.)

Goryunova O.I. (2002) Ancient burial sites of the Cis-Baikal region (Neolithic – Bronze Age). Irkutsk: Irkutsk State University. 84 p. (In Russ.)

Goryunova O.I. (1997) Serovo burials in the Ol'khon Area (Lake Baikal). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 112 p. (In Russ.)

Goryunova O.I., Novikov A.G. (2018) The results of the study and dating of burial sites of the Early Neolithic in the Ol'khon Area (Lake Baikal). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* = The Bulletin of the Irkutsk State University. Ser. Geoarcheology. Ethnology. Anthropology. Vol. 23. P. 44–70. (In Russ.)

Ivashina L.G. (1979) Neolithic and Eneolithic forest-steppe zone of Buryatia. Novosibirsk. 154 p. (In Russ.)

Ivashina L.G. (2000) Elements of Kitoy culture in the Neolithic of the Transbaikalia. *Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsii Tsentral'noi Azii. Vol. 1: Arkheologiya. Etnologiya* = Problems of history and culture of nomadic civilizations of Central Asia. Vol. 1: Archeology. Ethnology. Ulan-Ude: Buryatskii nauchnyi tsentr SO RAN. P. 55–63. (In Russ.)

Ineshin E.M. (1995) Some aspects of creating a model of human activity in the Pleistocene in the mountain taiga zone (Baikal-Patom Highlands, lower reaches of the Vitim River). *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovaniy arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 godu* = Review of the results of field and laboratory studies of archaeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and the Far East in 1993. Novosibirsk. P. 187–189. (In Russ.)

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). Новосибирск: Наука, 1982. 176 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996), Улан-Удэ – Чита: ИОН БНЦ СО РАН; Читинский государственный пединститут им Н.Г. Чернышевского, 1994. 177 с.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д. Архетипы в первобытной культуре (дихотомия сознания в материалах раннего неолита Забайкалья) // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 3: Парадоксы археологии. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 200–210.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. 248 с.

Людников В.О. Могильник Старый Витим II в Муйской котловине // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докладов V(L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных (Иркутск, 4–9 апреля 2010 г.). Иркутск: Оттиск, 2010. С. 154–155.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по ¹⁴C погребений Прибайкалья эпохи голоцена // Советская археология. 1989. № 1. С. 19–32.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.-Л., 1950. Ч. 1–2. 412 с. (МИА, № 18).

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск, 1974. 317 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск, 1976. 327 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск, 1975. 318 с.

Критерии авторства

В.М. Ветров, Д.Л. Шергин, А.В. Тетенькин выполнили исследовательскую работу. Д.Л. Шергин, А.В. Тетенькин на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Konopatskii A.K. (1982) Ancient cultures of Lake Baikal (Olkhon Island). Novosibirsk: Nauka. 176 p. (In Russ.)

Konstantinov M.V. (1994) The Stone Age of the eastern region of Baikal Asia. To the World Archaeological Inter-Congress (Transbaikalia, 1996). Ulan-Ude – Chita: Institut obshchestvennykh nauk Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk; Chitinskii gosudarstvennyi pedinstitut im N.G. Chernyshevskogo. 177 p. (In Russ.)

Lbova L.V., Zhambaltarova E.D. (2004) Archetypes in primitive culture (dichotomy of consciousness in the materials of the early Neolithic of Transbaikalia). *Evraziya: Kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii Iss. 3. Paradoksy arkheologii* = Eurasia: The cultural heritage of ancient civilizations. Vol. 3: The Paradoxes of Archeology. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. P. 200–210. (In Russ.)

Lbova L.V., Zhambaltarova E.D., Konev V.P. (2008) Burial sites of the Neolithic – Early Bronze Age of Transbaikalia (the formation of archetypes of primitive culture). Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. 248 p. (In Russ.)

Lyudnikov V.O. (2010) The cemetery Staryi Vitim II in the Muya depression. *Evraziiskoe kul'turnoe prostranstvo. Arkheologiya, etnologiya, antropologiya: Materialy dokladov V(L) Rossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchennykh (Irkutsk, 4–9 aprelya 2010 g.)* = Eurasian cultural space. Archeology, Ethnology, Anthropology: Proceedings of reports of the V (L) Russian (with International Participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists (Irkutsk, April 4–9, 2010). Irkutsk: Ottisk. P. 154–155. (In Russ.)

Mamonova N.N., Sulerzhitskii L.D. (1989) The experience of the ¹⁴C dating of burials of the Baikal region of the Holocene. *Sovetskaya arkheologiya* = Soviet Archaeology. No. 1. P. 19–32. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1950) Neolithic and Bronze Age of Cis-Baikal region. Moscow – Leningrad. Pt. 1–2. 412 p. (MIA, No. 18). (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1974) Neolithic sites of the Angara valley. Novosibirsk. 317 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1976) Neolithic sites of the lower reaches of Angara valley. Novosibirsk. 327 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1975) Neolithic sites of the middle reaches of Angara valley. Novosibirsk. 318 p. (In Russ.)

Attribution criteria

V.M. Vetrov, D.L. Shergin, A.V. Tetenkin made the research work. D.L. Shergin, A.V. Tetenkin on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Ветров Виктор Михайлович,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий Лабораторией археологии и этнографии Педагогического института, Иркутский государственный университет, 664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9, Россия

Шергин Дмитрий Леонидович,

старший преподаватель кафедры истории и методики, Лаборатория археологии и этнографии Педагогического института,

Иркутский государственный университет, 664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9, Россия,

✉ e-mail: dmitriy-shergin@rambler.ru

Тетенькин Алексей Владимирович,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет,

664074 г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,

✉ e-mail: altet@list.ru

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Victor M. Vetrov,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Laboratory of Archaeology and Ethnography of Pedagogical Institute,

Irkutsk State University,

9, Sukhbaatar street, Irkutsk 664011, Russia

Dmitry L. Shergin,

Senior Lecturer of the Department of History and Methods, Laboratory of Archaeology and Ethnography of Pedagogical Institute,

Irkutsk State University,

9, Sukhbaatar street, Irkutsk 664011, Russia,

✉ e-mail: dmitriy-shergin@rambler.ru

Aleksey V. Tetenkin,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Researcher, Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Systems of Life of peoples of Northern Asia,

Irkutsk National Research Technical University,

83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,

✉ e-mail: altet@list.ru